

*М.А.Шабанова,
доктор социологических наук,
ГУ — ВШЭ, Интерцентр*

К интерпретации хода и перспектив современного трансформационного процесса в России

Итоги (разумеется, промежуточные) трансформационного процесса в России отслеживаются по самым разным основаниям: важнейшие параметры изменений сравниваются как с обнародованными замыслами реформаторов, так и с дореформенными показателями; приобретения — с потерями, включая их предельно-критические значения, известные в мировой практике; ведется мониторинг перемен. Выбор спектра учитываемых изменений, равно как оценка их глубины и характера, в

---

¹ Создание законодательной и материальной базы для достижения такого консенсуса составляет сегодня одно из главных отчетливо прослеживаемых направлений внутренней политики в России. Это выражается в усилении и дальнейшей легитимизации роли партий в общественной жизни, создании разного рода согласительных комиссий, советов и т.п. на федеральном и региональном уровнях, в направленности (пусть запоздалой) социальной политики на преодоление диспропорций в уровне и условиях жизни населения, в стремлении к прозрачности деятельности крупнейших компаний в целях контроля и перераспределения извлекаемого рентного дохода в пользу бюджетных программ, в проведении пенсионной реформы и т.д.

значительной степени зависят от предпочтений и гражданской позиции авторов (что бы при этом ни говорилось об объективности научного знания). Конкретным аспектам трансформационного процесса часто придается неодинаковая значимость, так что один и тот же сдвиг по какой-либо из его осей может сопровождаться и скептическим "всего лишь", и оптимистическим "уже".

Еще больше различий — в *объяснении* закономерностей и механизмов трансформации, неизбежности или рукотворности ее современных итогов. Пожалуй, наиболее кардинальны различия между сторонниками *объективистского (бессубъектного)* и *субъектного* (деятельностного и структурно-деятельностного) подходов. Встав на позицию сторонников *объективистской* традиции интерпретации происходящих в России сдвигов (см., например, концепцию институциональных матриц С.Г.Кирдиной), приходится признать (хотя сторонники данного подхода напрямую этого и не делают), что провалы в осуществлении российских реформ вполне закономерны и вызваны неправильным (неадекватным, ошибочным) выбором самих *целей* преобразований. Ибо российскому обществу свойствен, по мнению автора, такой тип институциональной матрицы (т.е. исторически *устойчивой* формы связи трех базовых институтов — экономических, политических и идеологических), который в экономической сфере представлен институтами нерыночной экономики; в политической сфере — институтами унитарно-централизованного государственного устройства, а в идеологической — доминированием коллективных, надличностных ценностей (приоритет *мы* над *я*). Кроме того, утверждается, что институты, образующие институциональную матрицу, находятся "во взаимно-однозначном соответствии"¹, так что "вырваться" из нее практически невозможно.

Не вдаваясь в дискуссию по поводу теоретической и эмпирической обоснованности этой концепции (на мой взгляд, пока она представляет собой гипотезу, еще ждущую подтверждения или опровержения с привлечением солидного эмпирического материала²), констатируем то важное следствие, которое из нее вытекает. Получается, что даже если бы декларированные цели российских реформ соответствовали реальным интересам реформаторов, а избранные ими средства были адекватны целям, все равно ничего не могло получиться — провал реформ был неизбежен. В этом смысле по крупному (социетальному, институциональному) счету — где Россия была, там она и осталась. Изменения имели частный характер, не коснулись сущностного (институционального) ядра, более того, не могли его коснуться и не смогли *никогда* его изменить.

---

¹ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000. С. 2, 24-26, 28.

² Тем более, что объективистский подход настаивает лишь на наличии у системы своих законов развития (не зависящих от воли индивидов), а не на том, что смена социетального типа общества в принципе не подвластна этим законам.

Не удастся России уйти, по крайней мере "надолго", и от раздаточной экономики (термин О.Э.Бессоновой). По мнению этого автора, российская *экономическая* система имеет *раздаточную* природу, причем эта система не является искусственным образованием, сконструированным по политическим программам или плану диктатора, а имеет свои законы развития, не зависящие от воли и желаний социальных субъектов, и столь же естественна и жизнеспособна, как и рыночная система. В переходные исторические периоды рыночные элементы могут внедряться и даже доминировать, однако их окончательное назначение — модернизировать институты *раздаточной* экономики. Поэтому все, что вступает в конфликт с ее природой, к концу переходных периодов ограничивается или отбрасывается. Поскольку, "как правило, этим конфликтным элементом являлись частная форма собственности и свободные договорные отношения"¹, то можно заключить, что в конечном счете институциональное ядро российской экономики неизменно остается раздаточным. Однако неясно почему "рыночные вкрапления", модернизируя раздаточную экономику, со временем (пусть не через 10-20 лет, а хотя бы через 50, 100 или 200), аккумулируясь, не смогут изменить тип ее институционального ядра? Постановка такого вопроса представляется не менее правомерной, чем позиция: "этого не может быть, потому что этого не было никогда".

В отличие от "объективистов" сторонники двух других (субъектных) подходов — *деятельностного и структурно-деятельностного* — не выносят движущие силы общественных изменений за рамки возможностей индивидов и групп, а непосредственно связывают ход и перспективы трансформации с деятельностью, интересами и ресурсными возможностями акторов самых разных уровней. Различаясь в оценках нынешних итогов и перспектив общественных преобразований, они в принципе не отрицают саму возможность изменения социетального типа общества (при определенных условиях и в более или менее отдаленной перспективе), как и возможность снижения трансформационных издержек средствами экономической и социальной политики. Наибольшими интерпретационными возможностями, на мой взгляд, обладает *структурно-деятельностный* подход², в центре которого *механизмы* взаимо-

---

¹ Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: Ретроспективный анализ. Новосибирск: Изд-во ИЭ и ОПП СО РАН, 1997. С. 2-5, 63.

² Общее между сторонниками двух субъектных подходов состоит в том, что как те, так и другие пытаются вовлечь в поле зрения и *структуру*, и *действие*. Однако в отличие от сторонников деятельностного подхода, приверженцы подхода структурно-деятельностного не ограничиваются параллельным анализом структур и действий (преимущественно на факторном уровне), а изучают *механизмы* их взаимосвязи. Кроме того, они делают акцент и на исследовании степени и механизмов относительной автономности макро- и микроуровневой социальной реальности друг от друга.

связи изменений на разных уровнях социальной реальности — макро-, мезо- и микро-¹.

Как следует из структурно-деятельностной концепции трансформационного процесса, развиваемой Т.И.Заславской², этот процесс имеет вероятностный характер. Поле возможностей с течением времени, разумеется, меняется. Сегодня оно таково, что можно констатировать: общее направление *социетального* преобразования России уже определено окончательно — возвращение к абсолютному господству государственной собственности, централизованному распределению, конституционной власти *одной* партии и другим элементам посттоталитаризма невозможно³. В рамках же этой общей траектории разные варианты трансформации могут значительно различаться *степенью* стихийного (управляемого), правового (неправового), рыночного (административно-перераспределительного), демократического (авторитарного) начал и др. Вопрос в том, какой вариант наиболее вероятен в современной России? Как справедливо отметил в своем докладе Ю.А. Левада, «дилемма "план или рынок" утратила смысл; в сегодняшней (и послезавтрашней) повестке дня — вопрос о том, *какой тип рыночных отношений* (курсив мой. — М.Ш.) утвердятся в стране: "дикий" (азиатский, южноамериканский, европейский начала XIX в.) или "цивилизованный", современный, — и о том, *насколько реально демократичным будет политический строй* (курсив мой. — М.Ш.), насколько будут сохраняться диктаторские, деспотичные, авторитарные, холотские традиции...»⁴.

Не случайно в концепции Т.И.Заславской социетальный тип общества задается качеством не только двух общепризнанных базовых институтов, какими являются власть и собственность, но и развитостью двух "менее популярных" институтов, крайне важных для понимания и отслеживания посткоммунистических трансформационных процессов. Это, во-первых, многообразие и зрелость структур гражданского общества, а, во-вторых, широта и надежность прав и свобод человека⁵. *В самом деле, одной и той же конфигурации власти и собственности могут отвечать принципиально различные качества структур гражданского общества и прав человека. Можно, например, формально демократизировать власть или быстро либерализировать отношения собст-*

---

¹ Заславская Т.И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию?... Актеры макро-, мезо- и микро-уровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 3-15.

² Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002. С. 184-204, 446.

³ См. статью Т.И.Заславской в данном сборнике.

⁴ См. статью Ю.А.Левады в данном сборнике.

⁵ Заславская Т.И. Указ. соч.. С. 446.

венности, сделав это на основе правил игры, унаследованных от прежней административно-командной системы — за счет ущемления реальных социально-экономических и политических прав большинства граждан.

Однако именно о степени присутствия и перспективах роста этого "цивилизованного либерального" компонента в институциональной системе России как раз и нет единого мнения. Примечательно, что, фиксируя сходные закономерности, исследователи очень часто делают противоположные выводы. Некоторые оптимисты уже сейчас приравнивают вероятность движения России к цивилизованной рыночной экономике и политической демократии к единице ("никаких других вариантов нет"), основываясь главным образом на вере (в рациональность людей, неэффективность коррупции)¹. Другие делают выводы о все возрастающей либерализации ценностей массовых групп россиян, а наблюдающийся рост их самостоятельности в решении своих проблем рассматривают как "один из ключевых признаков движения к либеральному обществу"². Материалы же серии наших собственных исследований феномена свободы на двух уровнях — институционально-правовом (неправовом) и индивидуально-групповом, рассматриваемых во взаимосвязи друг с другом, позволяют сделать вывод о том, что сегодня у российского общества шансов продвинуться к западной институционально-правовой свободе стало еще меньше, чем в начале реформ³.

Если оставить в стороне вопросы веры, то главная причина расхождений видится в разном наборе одновременно учитываемых показателей. Например, институционализация либеральных прав несомненно предполагает включение россиян в более самостоятельные и независимые социальные действия. Однако рост самостоятельности сам по себе может свидетельствовать как о либерализации общества, так и об ее отсутствии. Материалы наших эмпирических исследований свидетельствуют о том, что степень включения населения в самостоятельные социальные действия, без опоры на помощь властей, уже сейчас велика (на рост самостоятельности указали 78-84% респондентов). Но это, во-первых, в большинстве случаев не приводит к расширению *индивидуальной свободы*, являясь, как правило, не добровольным, а вынужденным (57 против 25%). Во-вторых, у больших групп россиян рост самостоятельности

¹ Авен П.О. Трансформация: Границы коридора // Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 117.

² Латин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000. № 3. С. 35.

³ Шабанова М.А. Социология свободы: Трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000. С. 287; Она же. Индивидуальная и социетальная свободы в реформируемой России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 408.

происходит в традиционном социальном пространстве (ЛПХ и садовые участки, совместительство и двойная занятость в традиционном секторе, архаизация жизнедеятельности) и не связан с обращением к новым правам и образцам социальных действий. В-третьих, рост самостоятельности на основе обращения к новым экономическим правам зачастую сопряжен с погружением в неправовое поле, причем среди нарушителей прав устойчиво и безусловно лидируют власти разных уровней¹. Наконец, в-четвертых, самостоятельность россиян настолько возросла, что превысила нормальные (с точки зрения западной общественной традиции) пределы: сегодня самостоятельное решение проблем зачастую распространяется даже на те сферы, где оно всецело находится в компетенции властей и в принципе не должно было бы быть самостоятельным (например, защита нарушенных законных прав, в том числе и неформальными, включая незаконные, способами²).

С известной осторожностью (особенно если принять во внимание, что массовые опросы не только выявляют, но и формируют общественное мнение) следует относиться и к противопоставлениям: свобода *или* безопасность, демократия *или* порядок, свобода *или* порядок. По нашим данным, для больших групп россиян безопасность — необходимый элемент свободы ("мы не защищенные, а это не свобода").

Следует подчеркнуть, что пессимистические оценки шансов на реализацию прозападного либерально-демократического сценария трансформационного процесса вовсе не означают такой же оценки шансов российского общества стать более свободным *в том смысле, в каком понимают свободу большинство его членов*. Как раз здесь благоприятные перспективы более вероятны. Ибо поле актуальной индивидуальной свободы россиян в настоящее время лежит не в политическом или юридическом, а преимущественно в социально-экономическом пространстве, в центре которого — материальные, профессионально-трудовые, образовательные интересы, а также стабильность жизненных позиций.

Следовательно, планка в данном случае не столь высока, как у западной институционально-правовой свободы, точка отсчета довольно низка (эффект низкого дореформенного уровня и качества жизни, а также "привыкания к худшему" как важного признака современных регрессивных адаптаций); к тому же в новых условиях социализировалось уже целое поколение молодежи, склонное воспринимать нынешнюю точку отсчета как данность. В этих условиях уже простой рост доходов или стабильности может восприниматься (и воспринимается) как расширение уровня индивидуаль-

¹ Шабанова М.А. Указ. соч. С. 406-407.

² Наиболее массовые помощники — друзья и родственники (26 и 25% соответственно). На помощь органов правопорядка сегодня рассчитывают 8—12% респондентов, но ее почти догоняют неформальные силовые структуры (10%).

ной свободы, вне всякой связи с либерализацией или демократизацией общества.

В этом смысле либерализация российского общества в западной трактовке этого слова, если когда-нибудь и произойдет, то лишь по мере и на основе подлинного расширения свободы россиян в соответствии с их собственным пониманием. Важно, чтобы индивиды быстрее достигли таких социально-экономических позиций, которые создадут им своеобразный тыл, позволяющий оторваться от материально-бытовых проблем и нищеты и по заслуге оценить либеральные права, а вместе с ними — самостоятельность и независимость. Пока же, несмотря на то что *в контексте свободы—несвободы*, на всех трех осях трансформационного процесса — индивидуальной, социоструктурной и институциональной — произошли и положительные, и отрицательные сдвиги, последние безусловно доминируют.